

Оглавление

Предисловие	8
Прогулка по доске	12
Где тормоза?	16
Chief Rocka	26
Прах и стринги	35
Вниз по кроличьей норе.....	46
Моэл Фамау	52
Бегиите!.....	60
Скарабей	78
Самсон	95
Камень и бутылка	103
Где живет вера	112
Над облаками	118
Жажда скорости	126
Хоббиты и гамми	132
Икар	145
Герои и чудовища	157
Кладовая природы	168
Ты надо мной смеешься	183
Официальный диагноз	196
Затерянный Мир — Новый Мир	210
Случайные поступки	216

Надежда	229
Благочестивая Птица Доброго Предзнаменования	244
Присаживайтесь!	250
Если с музыкой	257
Великий притворщик	273
Болван психованный	279
Толстый и приземистый	286
Бессмертная птичка	296
В небо (опять)	305
Номер один	314
Сердце тьмы?	322
Город-сад	335
Ведро льда	342
Драконье золото	358
Пунаму	366
Раскат грома	374
Прощание	379
Дома	386
Глаза, затуманенные слезами	393
Послесловие	403
Благодарности	413
О Ройде Толкине	414
О Дрю Каллингеме	415

Предисловие

Я никогда в жизни не смог бы написать такую книгу сам. Не потому что не умею писать, и — особенно подчеркнем — не потому что у меня нет мотивации, а потому что, как бы я ни старался найти что-нибудь смешное во всем вокруг, эта тема для меня по-прежнему слишком болезненна.

Авторы песен пишут о своей утрате и разбитом сердце только после того, как придут в себя, и мне тоже всегда казалось, что написать о чем-то много проще, когда смотришь на это со стороны. А я все еще слишком переживаю потерю своего брата, Майка. Не поймите меня неверно. Я много раз пытался облечь это в слова, и что-то рассказывать проще, а что-то труднее. Но даже сейчас, если бы мне пришлось самому рассказывать эту историю целиком, у меня внутри поднялся бы вой, вопль боли; ярость и горе бились бы, пытаюсь одержать друг над другом верх, и мне точно было бы не до проверки орфографии.

И все же я хотел выплеснуть из себя эту книгу, изгнать духов. Я хотел поделиться нашими с Майком путешествиями: и общими, и теми, которые мы совершали по отдельности. Но мне была нужна помощь. От кого-то, кому я смогу полностью открыть душу (а в этом я не был силен даже в лучшие вре-

мена), кто поймет меня и разделит мои чувства настолько, чтобы стать моим голосом.

Звезды сошлись, и я нашел золотую жилу. Неизвестный автор, прячущийся за этими страницами, — тот, кто частично разделил со мной это путешествие. Он сам стал его частью. Возникнув однажды в моей жизни в качестве кинооператора с лохматыми волосами, в задачу которого входило снимать мои свершения, Дрю стал мне близким другом, и именно ему я обязан тем, что моя история увидела свет. Хочу заверить тебя, мой читатель, что это предисловие написано с целью исповедаться. Я хочу быть искренним. Я остаюсь за рамками чувств, мнений и правдивости всего того, о чем ты прочтешь. Просто хочу, чтобы ты знал, что даже само написание этой книги стало частью путешествия, и этот путь я прошел не один. Как и сами описанные события, трудоемкий процесс их перечисления, обсуждения и описания стал для меня очищением. Слезы и смех привели к написанию этой книги и, если я смогу вдохновить и тебя на что-то похожее, другой награды мне не нужно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

---

*Начало
и конец*

Проулка по доске

Не буду врать, мне до жути страшно.

Я стою на правильном конце помоста, который выдается примерно на десять футов от вершины утеса. Я говорю «правильный конец», потому что есть еще другой, чрезвычайно «неправильный» конец, он неожиданно обрывается на несколько сотен метров выше того, что, пожалуй, можно было бы описать как живописный каньон, на дне которого безмятежно журчит горная река. Прямо сейчас я точно не способен оценить красоту пейзажа. Я понимаю, что — какой бы избитой ни была эта метафора — в прямом и переносном смысле стою над пропастью. Над пугающе настоящей пропастью.

Я пристегнут ремнями, а между ног у меня обвязка. Карабины и зажимы держат пару веревок, как кажется, слишком тонких, чтобы выдержать мой вес (тот факт, что мне даже понадобится страховочный трос, заставляет меня чувствовать себя еще менее застрахованным от любого исхода). Мне кажется, что меня повесили на огромных размеров бельевую веревку, протянутую над каньоном, который с каждой минутой становится все менее и менее прекрасным.

— Улыбнись в камеру, — раздается нахальный голос новозеландца.

Какая камера? Где? И чему мне, ради всего святого, сейчас улыбаться? Я озираюсь как идиот, пересушенными губами изображая лучшую ухмылку, на которую сейчас способен, чтобы запечатлеть ее для потомков.

— Вы уверены, что это безопасно? — спрашиваю я, нелепо, отчаянно надеясь, что эти безумные новозеландцы вдруг, как по волшебству, решат, что это на самом деле небезопасно, и благоразумно предложат вместо этого вернуться в Квинстаун, выпить чашечку хорошего кофе и...

— Плевое дело, приятель.

— Ага, спасибо. (А ведь всем полагается последняя трапеза).

Это просто канатная дорога. Ерунда, ведь правда? Если не считать, что это «Лиса» — самый высокий утес в мире, доступный для подобного «прыжка», а не обычная канатная дорога. План заключается в том, что я разбежусь — да, разбежусь! — по этой скрипучей доске и брошусь вниз, отдавшись на милость не внушающей доверия веревочки, которая привязывает меня к канату. А потом — почти сразу — канат просто кончится. Он кончится. Я упаду с него и — в идеальном мире — меня подхватит другой канат, на котором я пролечу еще порядка 450 метров по воздуху — как бы пугающе это ни звучало — до другого утеса, и все 200 метров над камнями и рекой на дне, как я теперь понял, самого отвратительного каньона, какой я имел несчастье лицезреть в своей жизни.

Стоп, подождите. Упаду?

К настоящему времени я уже совершил несколько «прыжков» с креплениями и всем, что полагается, так что это для меня, скажете вы, пара пустяков.

Именно так я и думал. Канатная дорога, какие сложности? И вот оказалось, что много сложнее набраться смелости разбежаться с утеса, чем шагнуть (пусть и без особого энтузиазма) с платформы для банджи-джампинга. Часть меня размышляет, не будет ли проще лечь на брюхо, медленно подползти к краю, уцепиться за него кончиками пальцев и, оттягивая падение до последнего, позорно «стечь» вниз.

Но это не будет «пробегом». Это сползание. Падение. Предполагается, что я по доброй воле забрался на этот утес, прекрасно понимая, что спуск по канатной дороге похож на падение. Кто при этом думает о таких глупостях?

Не буду врать, мне до жути страшно.

— Крикни «Майк!», когда прыгнешь, — раздается сзади подбадривающий вопль.

Майк.

Вот почему я здесь.

Я здесь ради Майка.

Потому что Майк умер.

Если ты прочел аннотацию, ты уже немного знаешь про Майка. Майк был моим братом. Он умер от болезни моторных нейронов и оставил мне список своих предсмертных желаний, которые я должен был выполнить от его имени. Я до последнего понятия не имел, что там, но, если я скажу, что свергнуть-ся в каньон оказалось еще не самым трудным из того, что он заставил меня сделать, ты поймешь, что его обычно вдохновляло.

— Просто кричи «Майк!» на бегу, — посоветовал другой голос.

Я все понял. В этот момент леденящий страх отступает, и я чувствую Майка. Будь он здесь, дал бы

мне сейчас по шее. Я уже использовал все свои показательные уловки по дороге сюда, куражась, ерничая, — делая все что угодно, только бы не думать о том, что мне предстоит. Будь Майк здесь, он наблюдал бы, как я страдаю ерундой, шатаюсь от страха, и потом припоминал бы мне это всю оставшуюся жизнь. А будь он на моем месте... Ну уж нет, он не был бы на моем месте. Он всегда был на другой стороне. Он не колебался бы ни секунды. Наверняка сбросился бы в пропасть спиной вперед, показывая мне средний палец и хохоча. А если бы нам удалось забраться сюда, когда он уже был болен, он, скорее всего, придумал бы способ сделать это на инвалидном кресле. Будь он здесь сейчас, я и сам уже давно сделал бы это. Все что угодно, только бы не дать ему повод для бесконечных насмешек.

Я чувствую его имя в горле. Я это сделаю. Я должен это сделать прямо сейчас. Разрази меня гром, я не могу выкрикнуть его имя, а потом струсить. Был бы он здесь! Сила притяжения, возникшая от всех эмоций этого путешествия, тянет мои ноги вниз, кричит мне, чтобы я спасался, выживал как мог, держал все под контролем. Но Майк хотел не этого. Он хотел, чтобы я смирился с отсутствием контроля и по-настоящему жил. Я бросаю вызов своему внутреннему леммингу, открываю рот, звук «м» из его имени уже сформировался, и я бегу.

— Маааааайк! — кричу я во все горло. Не уверен, что «к» прозвучал. Я слишком занят, болтаясь на веревке, как тряпичная кукла. Потом меня резко перехватывает вторая канатная дорога. В ярком солнечном свете я скольжу через каньон и хохочу. Потрясающе.

Где тормоза?

Когда я был маленьким, у нас были ослики. Кого у нас только не было! Мама и папа обожали животных и спасли этих осликов из плохих условий. Еще были куры, овцы, поросята и чрезвычайно злой и неуравновешенный серый гусь, которого мы назвали Дымчатый Джо.

«Мам, сделай, чтоб он шел побыстрее! Сделай, чтоб он шел побыстрее!» — задорно выкрикивал я маме. Наконец ей надоело это слушать, и она чуть хлестнула по задней части той зверюги, на которую я был навьючен. Осел рванул вперед, как почувшавшая след борзая, а я с воплями вцепился в него, не желая расставаться с жизнью. Раз — и он внезапно остановился, взбороздив землю передними копытами. Как вкопанный. Он-то остановился, а я нет! Я вместо этого совершил не слишком грациозный кульбит через его голову и свалился в кучу земли.

«Не глупи, Ройд», — услышал я голос в своей голове, когда оправился от шока. — «Не проси о том, с чем не справишься. Покой — это безопасность».

Майк был моложе меня на пять лет, но к тому времени, когда ему исполнилось восемь, это уже не имело значения. Он стойко переносил обычные

тяготы младшего брата, донашивая всю мою одежду. Ему досталась моя первая школьная форма и заплятанные старые джинсы, которые на меня больше не налезали. Мой первый велосипед стал его первым велосипедом.

Задолго до того, как мама и папа развелись, мы росли в маленькой усадьбе в окрестностях Хэлкайна, деревушки, затерявшейся где-то в дебрях Северного Уэльса. В деревне мало что было: только паб, магазин и разбросанные тут и там дома. Когда папа не был занят управлением своей типографией, он принимал активное участие в работе местного комитета. А мама, которая до появления на свет Майка работала медсестрой, долгое время была связана с комиссией по наркотическим средствам и боролась с несправедливостью вместе с организациями вроде «Международной Амнистии», водила дружбу со многими местными, которые — все как один — занимались лошадьми. Оба они были активно вовлечены в деревенскую общественную жизнь и, бывало, устраивали благотворительные сборы в «большом сарае», как мы называли одну из наших хозяйственных построек, организуя дискотеки и вечеринки у костра, на которые приходили жители деревни.

Мэнди, наша сестра, на полтора года старше меня, по возрасту была ближе ко мне, чем к Майку. В детстве, пока Майк был слишком мал, мы с ней играли вместе и организовали собственный клуб, состоящий из нас и наших близких друзей. Собрания клуба проходили на чердаке над свинарником. Но Мэнди, как это бывает с девочками, выросла быстрее меня, и стала подростком, когда я еще долго оставался несносным сорванцом. Наши с ней приключения и по-

иски сокровищ продлились не так долго, как мне бы хотелось.

В мои тринадцать в местном развлекательном центре давали концерт «Адам и Муравьи».* Я, как и Мэнди, был их большим поклонником. Отец ее подруги работал директором этого развлекательного центра, так что она была приглашена на концерт и даже за кулисы.

— Вот здорово! Скорей бы туда попасть, — обрадовался я, когда услышал эту новость.

— Нет, тебе туда нельзя, — заявила Мэнди. — Ты еще слишком маленький.

Это меня убило. Это было нечестно. Но еще обидней мне стало после мероприятия, когда она сказала мне, что, на самом деле, я мог бы и пойти, потому что там была организована игровая зона в стороне от сцены для маленьких детей. Правда она отчасти искупила свою вину, заставив мистера Анта** подписать для меня ее программку.

Так что, ясное дело, к тому времени мы уже не так многое делали вместе. Она продолжала в том же духе и занималась всем тем, чем занимаются девочки-подростки: кончила школу, поступила в колледж искусств и все тому подобное взрослое. Меня очень возмущало, что она старше, более своенравна и делает то, чего мне еще нельзя. Не то чтобы мы отдалились друг от друга — просто она больше не была ребенком. Но, на мое счастье, к этому времени Майк как раз подрос достаточно, чтобы увлечься всеми теми вещами, которые обожают мальчишки.

---

* «Адам и Муравьи» — английская рок-группа.

** Адам Ант («Муравей») — основатель группы.